

Темы воскрешения мертвых в творчестве Х. Ф. Лавкрафта: специфика интерпретации

24 ноября 2014 г.

[Налитова Екатерина](#)

Воскресение души – одна из магистральных тем русской литературы, представленная широким кругом художественных произведений. А вот тема воскресения тела – не духа, но материи – имеет широкое распространение в литературе западной. Налитова Е. А. в данной публикации обращается к творчеству американского писателя первой трети XX века Ховарда Филлипса Лавкрафта, также разрабатывавшего упомянутую тему и придавшего классическому сюжету новые черты.

Ховард Филлипс Лавкрафт (1890–1937), американский писатель первой трети XX века, неоднократно обращался в своих произведениях к теме воскрешения мертвых.

Тема воскрешения тесно примыкает к еще более обширной теме воскресения, которая известна с древних времен в самых различных мифологиях, фольклоре, религии, и была связана с обновлением природы, с началом новой жизни, с великими Божественными чудесами, обращающими печаль в радость. Характерные примеры можно найти в Библии, особенно в Евангелии. В Ветхом Завете мертвых воскрешали пророки Илия (3 Цар. 18:17) и Елисей (4 Цар. 4:18)^[i]. Новый же Завет весь пропитан радостным ожиданием будущего воскресения всех людей и начала вечной жизни. «Христианская надежда опирается на радостное благовестие о разрушении смерти: "Смерти празднуем умерщвление, а до разрушения, иного жития вечного начало" (из пасхального канона)^[ii]. «Иисус Христос "явил жизнь и нетление через благовестие" (2 Тим. 1; 10): последователи Христа не были подобны "прочим, не имеющим надежд" после своей смерти (1 Фесс. 4:13); христианство было религией воскресения и бессмертия»^[iii].

Повествование о возвращении умерших к жизни под воздействием Божественной силы можно встретить у всех четырех евангелистов. «... Матфей и Марк довольствуются одним рассказом — о воскрешении дочери Иаира (Мф. 9; 18. Мк. 5; 23). Лука сообщает уже два рассказа — о воскрешении дочери Иаира (8:41) и сына вдовы Наинской (7:11), а Иоанн, хотя и ограничивается всего одним рассказом о воскрешении Лазаря (гл. 11), но форма этого рассказа так ярка, что он стоит множества других в том же роде»^[iv].

В Евангелии акт воскрешения мертвого совершает Сам Господь, не только оживляя тело, но и оживотворяя его душой.

Еще более великое чудо, которое нельзя здесь не упомянуть, было совершено Христом незадолго до Его Голгофских страданий – воскрешение Лазаря. Это чудо превзошло подобные ему тем, что Лазарь, в отличие от только что скончавшейся дочери Иаира и сына вдовы Наинской, воскрешен спустя четыре дня с момента смерти, и признаки разложения были уже видимы и ощутимы окружающими. Кульминацией целого ряда чудес воскрешения мертвых Спасителем стало собственное воскресение Христа, которым Он засвидетельствовал свою Божественную сущность.

Тема воскрешения или воскресения вне библейского контекста перешла со временем в художественную литературу. Наметились две тенденции в раскрытии этой темы: воскрешение души и воскрешение тела, – позволяющие писателям затронуть сложные философские, богословские, нравственно-этические и психологические проблемы.

В центре внимания русских писателей оказалась прежде всего человеческая душа – их интересовал сложный путь нравственных исканий, духовное становление русского человека. Таким образом, воскрешение или воскресение души – одна из магистральных тем русской литературы, представленная широким кругом художественных произведений. Для примера достаточно вспомнить романы наших великих писателей Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) или Л.Н. Толстого, который так и называется «Воскресение» (1899).

Долго и трудно проходит путь герой первого романа, Родион Раскольников, от бессмысленного убийства двух сестер к духовному возрождению. Наказание начинается для него задолго до суда и приводит к тяжелой физической болезни, ибо муки совести оказываются гораздо мучительнее, чем отбывание срока на каторге. На каторге же происходит процесс очищения и окончательного осознания

истинного смысла жизни. В романе «Воскресение» воскресает душа скучающего эстета и утонченного эгоиста Дмитрия Нехлюдова, а затем в результате усилий прозревшего князя и общения с политическими заключенными возрождается душа опустившейся на самое дно порока Катерины Масловой.

Следует отметить, что вторая тенденция в раскрытии темы воскрешения свойственна именно западной литературе, возможно, потому, что картина мира, сложившаяся в западной культуре, имеет более позитивистский характер, а менталитет западного человека более эмпиричен. Как бы то ни было, одной из первых к теме воскрешения мертвой материи обратилась английская писательница Мэри Шелли (1797–1851) в романе «Франкенштейн, или Современный Прометей». Обращение к теме воскрешения – не духовного, а физического, не с помощью Божественной силы, а методами науки – позволило писательнице поднять вопросы «о пределах познания, допустимости вторжения в тайны живой материи, изучение жизни и природы за гранью известного науке <...> сложный комплекс нравственно-этических, философских, социальных, психологических проблем»^[v] и развенчать «самонадеянность человека, посягнувшего на роль Бога»^[vi]. Акт воскрешения производит человек, талантливый ученый, но, оживив тело, он, в силу своей человеческой сущности, бросает созданного им человека на произвол судьбы, чувствуя, несмотря на живую плоть своего творения, отчуждение смерти. Таким образом, взяв на себя функции Бога, герой романа не справляется с ними, будучи равен тому, кого он воскрешает: человек воскрешает человека, находясь с ним в одной плоскости, в то время как Бог находится над миром. Пытаясь узурпировать функции Бога, человек уподобляется скорее Сатане, который пытался сделать то же самое и с тем же результатом – породив адские кошмары.

Роман «Франкенштейн» на протяжении уже двух столетий продолжает вызывать интерес к себе как у читателей, так и у писателей, а тема воскрешения мертвой материи дерзким ученым, святотатственно проникшим в неизведанные тайны и надругавшимся над законами природы, заняла прочное место среди сквозных сюжетов мировой художественной литературы.

Х. Ф. Лавкрафт, тоже разрабатывающий тему воскрешения, – представитель западной традиции, продолжающий линию Мэри Шелли и ее доктора Франкенштейна^[vii].

Творчество Лавкрафта в целом характеризуется жанровым разнообразием: исследователи относят этого автора и к неоготике, и к фэнтези, и к хоррор, и к научной фантастике; в то же время многие его произведения невозможно ограничить рамками одного какого-то жанра. Вопрос жанрового своеобразия Лавкрафта представляется чрезвычайно сложным и в силу того, что пока мы не располагаем четким теоретическим определением каждого из этих жанров; также исследователи не могут прийти к единому мнению, считать ли их самостоятельными, или подвидами друг друга.

В центре повествования американского писателя находится ученый, стремящийся оживить мертвую материю, создать гомункула или победить смерть и терпящий неудачу. При этом Лавкрафт не просто воспроизводит классический сюжет, но привносит в него новые черты. В своем творчестве писатель не менее четырех раз обращается к теме воскрешения мертвых, и каждый раз обыгрывает ее по-новому: «Херберт Уэст – врач-реаниматор», «Холод» (1926), «Жизнь Чарльза Декстера Варда» (1927) и «Эксгумация» (1935). В рассказе «Херберт Уэст – реаниматор» впервые становится предметом художественного осмысления феномен зомби, восходящий к магическим представлениям последователей культа вуду и ставший в наши дни неотъемлемой частью современной массовой культуры. Первоначально зомби – «в поверьях населения Западной Африки и Антильских островов: оживлённый с помощью колдовства мертвец, полностью лишённый человеческих чувств и выполняющий любые приказания своего хозяина»^[viii]. У Лавкрафта зомби – тоже воскресшее тело мертвого человека без души и разума, однако оживленное с помощью науки. Бездушные зомби у Лавкрафта не являются послушными орудиями человека – они агрессивны по отношению к живым людям. В отличие от Монстра, созданного доктором Франкенштейном, образцы доктора Уэста по природе своей не способны к размышлениям, переживаниям, саморефлексии, им чуждо стремление к социальной адаптации.

В рассказе «Холод» сам врач становится объектом эксперимента и, прикладывая массу усилий, пытается поддержать жизнь в своем уже начавшем разлагаться теле. Он не только обрекает себя на вынужденное затворничество, чтобы скрыть свое подозрительное долголетие, но и на одиночество, поскольку его современники уже отошли в мир иной. К тому же он попадает в зависимость от

холодильной машины, которая поддерживает жизненно необходимую для него низкую температуру в комнатах. Но даже это не избавляет несчастного экспериментатора от страшного конца. Еще до поломки агрегата доктор Муньос начинает чувствовать, что мертвые ткани не хотят держаться и начинают расплзаться, что, естественно, отражается на его внешнем виде и сопровождается страшным зловонием. Вышедшая же из строя холодильная машина максимально приближает страшную развязку.

В «Истории Чарльза Декстера Варда» воскрешенный своим потомком салемиский колдун Джозеф Карвен становится настоящей угрозой для всего человечества. В свою очередь воскрешенные чернокнижником, а точнее, восстановленные из праха люди являются источником его могущества и будущего порабощения человеческого рода.

Особняком в творчестве Лавкрафта стоит рассказ «Эксгумация», где повествование ведется «оживленным мертвецом», а не от лица свидетеля или участника событий, как в предыдущих произведениях. Здесь Лавкрафт прибегает к композиционной инверсии, тем самым видоизменяя сюжетостроение, традиционное для «страшных рассказов». Сначала рассказчику приходится пройти через то же одиночество, отчуждение и зависимость от внешних обстоятельств, что и доктору Муньосу из «Холода». Но в финале, узнав, что он давно мертв и представляет собой некий гибрид из собственной головы и чужого тела, герой одержим стремлением вернуться в смерть – туда, откуда его святотатственно вырвала рука хирурга Эндрюса.

Мрачная атмосфера и пессимизм произведений Лавкрафта были в известной степени обусловлены временем их создания, когда обозначившийся на рубеже XIX–XX веков кризис идей и ценностей особенно ярко проявился в первой половине XX века и породил в людях этой эпохи «чувство обреченности человека и бессмысленности его усилий придать гуманность и целостность своему бытию»^[ix]. Кризис христианских ценностей в Западной Европе особенно ярко выразился в трудах Ф. Ницше. «Бог умер», – смело заявляет автор трудов «Веселая наука» (1882) и «Так говорит Заратустра» (1883–1885), потрясая тем самым основы западного сознания. Это отразилось на процессах, протекавших в мировой литературе, которая не только пыталась ответить на извечные вопросы бытия и определить предмет своего изображения, но и найти новые средства выражения.

Несмотря на своеобразие исторического и культурного процессов на американском континенте, писатели США XX века хорошо смогли это почувствовать и «отразить в оригинальной мифологии «заката американской мечты», «потерянного поколения» общезападного кризиса цивилизации»^[x]. Особая заслуга американской литературы этого периода в том, что, не теряя национального своеобразия, «она стихийно предложила сравнительно новую трактовку общезападного культурологического сдвига — того, сколь мучительно человеку Запада, своего рода Гамлету эпохи «гибели богов», «городов-спрутов», кровавых войн, индустриального производства, политической и бюрократической демагогии, всепобеждающей серости мещанства, испытывать «выбитость времени из колеи» и, разрываясь между «прошлым» и «настоящим», «другой страной» и «здесь и сейчас», бытием и искусом небытия, отчаянно, и даже бессознательно, искать идеального оправдания своего существования»^[xi].

Не стал исключением и Лавкрафт, однако его пессимизм преодолел земное притяжение и приобрел космические масштабы. Для писателя творческое осмысление культурологических проблем Запада вылилось в отрицание целесообразности самого существования человека на Земле: в его творчестве происходит окончательная десакрализация человека во Вселенной. В своей обширной корреспонденции Лавкрафт называет себя убежденным материалистом: для него первична материя, и только она реально существует. «За неимением какой-либо сверхъестественной веры, собственная философия Лавкрафта была утонченным материалистическим исповеданием тщетности, нелепо сочетающимся с суровым аскетизмом личного поведения»^[xii]. «С Ницше я [Лавкрафт] был вынужден признать, что человечество в целом не имеет ни какой бы то ни было цели, ни предназначения»^[xiii]. Но в отличие от Ницше он не верит и в сверхчеловека, считая, что в целом «наша человеческая раса является лишь незначительной случайностью в истории творения»^[xiv], и будущее за странными, но более совершенными существами, не имеющими ничего общего с человеком.

Однако Лавкрафт не мог не ощущать пустоту, порожденную в нем отрицанием духовного начала, поэтому он пытался заполнить эту пустоту неким подобием духовного мира, сотворенным его

фантазией. В письме другу он писал: «...Для среднего человека существует потребность в личном прибежище в некоторой системе ориентиров... Верующие ищут мистического отождествления с системой наследственных мифов, тогда как я, не будучи религиозным, ищу соответствующего мистического отождествления с единственной непосредственной материальной внешней реальностью, которую признают мои ощущения»^[xv]. В отличие от многих других современных ему писателей, которые в своих творениях полемизировали с христианством, отрицали религиозное мировидение и критиковали его адептов, Лавкрафт был одним из тех, кто довел тезис Ницше «Бог умер» до логического конца. Он сосредоточился не на доказательстве того, что Бога нет, а значит нет веры в Его Промысл, Его заповеди и обетования, и, следовательно, человек сам себе хозяин, а на том, каково человеку в жить в таком мире, где он песчинка, где от него ничего не зависит, где он «со своими напыщенными притязаниями превращается в совершеннейшее ничто, когда рассматривается относительно неизмеримых бездн бесконечности и вечности, разверзающихся над ним»^[xvi], и смог наиболее наглядно показать одиночество, пессимизм и ужас человека, осознавшего, что он не только один в этом мире, но и он лишь материя. Еще как-то регулируемая разумом и некоторыми общепринятыми правилами при жизни, материя при оживлении может потерять сдерживающие факторы и становится либо страшным монстром, утратившим человеческий облик, либо расползающейся органической тканью, либо inferнальным злом, стремящимся погубить мир живых, либо несчастной жертвой, которая уже не может и не хочет вернуться к жизни.

Древняя тема воскрешения мертвых заняла прочное место в мировой художественной литературе. Особенности интерпретации этой темы определяются базовыми ценностями и конечными целями, которые ставит перед собой автор, обратившийся к ней в своем творчестве. Этим и обусловлено своеобразие художественного осмысления темы воскрешения в творчестве Х. Ф. Лавкрафта, ее существенное отличие от традиционных трактовок.

^[i] Штраус Давид Фридрих. Жизнь Иисуса [Электронный ресурс]. URL: http://searchebookonline.com/book_453_glava_104_76.VOSKRESHENIE_MERTVYKH..html (дата обращения: 04.10.2013).

^[ii] Флоровский Г. В., прот. Воскресение мертвых [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mpda.ru/data/658/630/1234/5.Voskresenie%20mertvih.pdf> (дата обращения: 04.10.2013).

^[iii] Там же.

^[iv] Штраус Давид Фридрих. Указ. соч.

^[v] Владимирова Н. Г. Роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»: размышления о жанре текста как источника римейка // Славянский мир: духовные традиции и словесность : сборник материалов Международной научной конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 217.

^[vi] Там же. С. 218.

^[vii] Ковалькова Т. М. Готическая традиция в американской прозе 1920-30-х годов: новеллистика Х.Ф. Лавкрафта: дис. ... канд. филол. наук. Саранск: Саранский гос. ун-т, 2001. С. 54.

^[viii] Энциклопедический словарь 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/156534/%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%B8> (дата обращения: 04.10.2013).

^[ix] Зверев А. М. Модернизм в литературе США. М.: Наука, 1979. С. 6.

^[x] Толмачев В. М. Литература США между двумя мировыми войнами и творчество Э. Хемингуэя // Зарубежная литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. заведений / В. М. Толмачёв, В. Д. Седельник, Д. А. Иванов и др.; Под ред. В. М. Толмачёва. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 329.

^[xi] Там же. С. 253.

[xii] Спрэг де Камп Лайон. Лавкрафт. Биография. – Спб.: Амфора, 2008. С. 151.

[xiii] Там же.

[xiv] Там же.

[xv] Там же. С. 421.

[xvi] Спрэг де Камп Лайон. Указ. соч. С. 106.

[Философия](#), [Апологетическое \(основное\) богословие](#), [Религия и мир](#), [Литературоведение](#)

Ключевые слова:

[Литература](#), [Религии вымышленных миров](#)

См. также:

[«Как слово наше отзовется...»: И.С. Тургенев и Ф.И. Тютчев](#)

[«Любовь сокрушит печать»](#)

[«Идеал Христов» в подтексте образа «прекрасного героя» Ф.М. Достоевского и М. Булгакова \(князь Мышкин - Иешуа Га-Ноцри\)](#)

[Нравственный идеализм Достоевского \(ответ прот. Г.Флоровскому\)](#)

[Влияние "Божественной комедии" Данте на формирование римо-католического догмата о чистилище](#)

[Богословское моделирование. Религии в фантастике и фантастические религии](#)

[Религия в мире грез](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

